

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Павлович Свенцицкий

Поэт голгофского христианства (Николай Клюев)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2372315*

Аннотация

«...В области человеческого духа бывают явления, которые почти невозможно подвести под обычные общепринятые понятия. Творчество Николая Клюева принадлежит именно к числу таких явлений. Назвать его: «художником», «поэтом», «писателем», «певцом» – значит сказать правду и неправду. Правду – потому что он «художник», и «поэт», и «писатель», и «певец». Неправду – потому что он по своему содержанию бесконечно больше всех этих понятий...»

Содержание

Свенцицкий Валентин Павлович Поэт голгофского христианства (Николай Клюев)

В области человеческого духа бывают явления, которые почти невозможно подвести под обычные общепринятые понятия.

Творчество Николая Клюева принадлежит именно к числу таких явлений.

Назвать его: «художником», «поэтом», «писателем», «певцом» – значит сказать правду и неправду. Правду – потому что он «художник», и «поэт», и «писатель», и «певец». Неправду – потому что он по своему содержанию бесконечно больше всех этих понятий.

Даже наиболее идущее к нему слово «религиозный» в *наше время* всяческих подделок и лжи звучит безнадёжно-бесцветно.

«Песни» Николая Клюева – это *пророческий гимн Голгофе*.

Говорю «пророческий» – потому что в них раскрывается вся полнота нового «голгофского» религиозного сознания,

не только мученичество, не только смерть, – но и победа, и *воскресение*.

В них звучит отклик тех песен, которые пели мученики Колизея¹ и древние братья на испанских кострах, – но в них же слышится новый, вдохновенно-радостный голос *прощённой земли*, освобождённого мира.

Это не выдумка – это живой опыт, это творческое прозрение. Здесь уже не только литература, не только «стихи» – здесь новое религиозное *откровение*. Если хотите, «поэзия», – но в каком-то высшем смысле, когда поэт становится *пророком*.

«Песни» Клюева по содержанию своему имеют два основных начала:

Вселенское – в том смысле, что в них выражается не односторонняя правда того или иного «вероисповедания», а общечеловеческая правда полноты вселенского религиозного сознания.

И национальное – в том смысле, что раскрывается это вселенское начало в чертах глубоко русских, если можно так выразиться, плотяных, чернозёмных, подлинных, националь-

¹ «Вообще, что хотения Клюева были приняты к сведению, видно из того, что «пророк» просит, чтобы в предисловии Свенцицкого была вставлена фраза Клюева о самом себе, что «братские песни» – отклики тех песен, которые пели мученики Колизея и... братья на жестоких кострах» (*Брихничёв И.* Новый Хлестаков (Правда о Николае Клюеве) // ОР РГБ. Ф. 386, к. 55, ед. хр. 21). Выражение закрепилось в русском языке, когда еп. Ириней (Орда) перевёл с английского кн. «Мученики Колизея» (Киев, 1875); позднее Евгений Тур выпустил кн. «Мученики Колизея. Исторические рассказы для детей» (М., 1890).

ных.

В настоящей вступительной статье я ставлю себе задачей раскрыть *голгофское* содержание «Песен» Николая Клюева и показать, в чём лежит внутренний смысл его новых открытий.

Мировой процесс – это постепенное воплощение «Царствия Божия на земле», постепенное освобождение земли от рабства внешнего: господства одних над другими, и рабства внутреннего: господства страдания, зла и *смерти*. «Освобождение земли» на языке религиозном должно быть названо *искуплением*. Путь к этому освобождению должен быть назван *голгофским*. Не дано «искупление» как подвиг единого Агнца – оно *дастся* как усилие *всей земли*. Голгофа же Христова – первое слово освобождения, первый Божественный призыв обращённый к земле: взять крест и идти на распятие – не в муку вечную, а в жизнь вечную. История мира – это восхождение на лобное место, это позорная казнь на кресте, это «Боже мой, Боже мой! вскую оставил Мя еси»², это предсмертные муки Богочеловека и всепокоряющая радость Воскресения.

Понимание искупления как творческого усилия *всей земли* и мирового процесса – как Голгофы – ведёт к двум основным выводам:

Новому учению о всеобщей ответственности.

Новому учению о будущей жизни.

---

² Мф. 27, 46.

«Каждый из нас за всех виноват» (мысль Достоевского) – это лишь робкий намёк на правду.

Голгофское понимание жизни раскрывает больше: не *за всех* виноват, а *во всём* виноват³. Каждое позорное пятно на совести *человечества* – позорное пятно и на *моей совести*. Каждый постыдный поступок *мой* – постыден для *всей земли*. Если «освобождение» общее – «искупление» общее, то и грех и преступление – *общее дело*⁴.

Для голгофского сознания нет *чужих* грехов, *чужих* страданий. Я – убийца, я – растлитель, я – осквернил светлые ризы Божии. Но я же плачу кровавыми слезами раскаяния, я – свершаю великий подвиг любви, я – вхожу на костёр за Правду, я – приношу свою агнчую кровь во искупление опо-

---

³ Ср.: «Всякий из нас перед всеми во всём виноват». Предсмертное прозрение своего брата Маркела на разные лады повторял старец Зосима (*Достоевский*. Т. 14. С. 149, 262, 270, 273, 275, 290, 291), а затем и Митенька Карамазов (*Достоевский*. Т. 15. С. 31, 173).

⁴ «Но если это так, тогда покаянными слезами омываются мои грехи и силою свыше в душе моей воздвигается Вечная Голгофа... Но связи, связавшие меня с общим грехом и общей тяготой жизни, от этого не уничтожаются, а, наоборот, закрепляясь, претворяются в новое. Место тёмной истомы и тоски за свою вину и грехи занимают искупления, и чистые страдания за других... Я покался у креста. Господь простил за страдания, которые я Ему причинил, за раны, которые я Ему нанёс. Но разве от этого прощения из Его ран перестанет сочиться Пречистая Кровь? Нет, страдания эти есть, и раны продолжают болеть. Ну, тогда ясно, что я должен делать так, чтобы страданий этих не было, чтобы раны эти перестали болеть» (*Эри В. Христианское отношение к собственности*. М., 1906. С. 40–42).

зорённой земли⁵.

Отныне уже нельзя наслаждаться своей «праведностью». Как бы ни был я «чист» – руки *мои* в крови, как бы ни был я «целомудрен» – *это* я втоптываю в грязь женщину в позорных домах, как бы ни был я «кроток» – *это* я покрыл землю тюрьмами и кандалами. И по осквернённой, окровавленной земле – я же иду с крестом в венце терновом, во имя *освобождения*.

В «песнях» Николая Клюева раскрывается с потрясающей глубиной этот голгофский путь земли. Поэту путём *созерцания* даётся то, что религиозному сознанию даётся *умозрением*.

Но ещё ближе для него *грядущее*.

То, что я назвал «*будущей жизнью*».

Здесь особая новизна его и особая *сила*, которую – с сознанием всей ответственности этого слова – можно назвать *пророческой*. Николай Клюев как бы *живёт* уже этой новой жизнью, а не только «предчувствует» её, не только «догадывается» о ней.

Если бы в доисторические времена, когда зарождалась на

---

⁵ Так же считал и еп. Михаил (Семёнов): «Христос требует, чтобы каждый был, как он. Как он, принял Голгофу, взошёл на неё. Почувствовал на своей совести зло мира, как своё дело, своё преступление, свой позор и принял на себя долг сорвать с жизни её проказу. Христово христианство – это постоянная Голгофа. Великое распятие каждого. Принятие на себя, в свою совесть всего зла, в котором лежит мир, ответственность за всё, что жизнь разлагает, пятнает» (*Пришвин М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1982. С. 749*).

земле жизнь, можно было бы рассказать «клеточке», что из неё создастся человек и вся современная жизнь, – всё это представилось бы ей, как сплошное безумие.

Таким же безумием представляются современному человеку «песни» о грядущем Царствии Божиим.

Обыкновенный, живущий «настоящим» человек может представлять себе будущее в знакомых ему формах, усложняя и видоизменяя их. Он может вообразить себе новые машины, летательные аппараты, новый флот, армию, общественный строй.

Представить себе новую *материю* и совершенно иную жизнь он не может.

Но это безумие как непреложная истина даётся в религиозном *опыте*, это будущее утверждается религиозным *сознанием* и раскрывается *религиозной поэзией*.

Я уже сказал, что понимание искупления как творческого усилия всей земли ведёт к новому учению об общей *ответственности*, к новому пониманию *Голгофы*.

Оно же даёт и новое понимание будущего как Царствия Божия *на земле*, как новой жизни – в новой *плоти*, неподчинённой законам тления и смерти.

Изменение материальных форм не есть только процесс *механический, внешний*, – это есть процесс *внутренний*, результат *нравственных усилий*, изменяющих самую сущность материальной основы, приближающий время *качественного* изменения материи. Вся *тварь* должна услышать Евангелие

(благу ю весть). *Вся тварь* должна стать *свободной*, т. е. вся *материя* должна получить бессмертие как результат окончательного искупления.

Вот этой-то новой жизнью, в новых формах и живёт Николай Клюев, о ней-то и поёт свои лучезарные песни...

Соберутся племена под смоковничные купы. Горние росы увлажят палящие лучи дня. Среброкрылые врачи братьям перевяжут раны. Воспоёт небесный хор.

«Жизни Царь Дориносимый, для сыновних видим глаз»,
воссядет вечерять с людьми.

Дух животными крылами
Прикоснётся к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерётся пополам⁶.

И вот всё стало новым – ибо «старого уже нет».

Стали плотью мы заката зарянее,
Поднебесных облак-туч вольнее.
Разделяют с нами брашна серафимы,
Осеняют нас крылами легче дыма.
Наши лица заряницы краше,
Молоньи лучистой ризы наши.
За спиной шесть крыльев легковейных,

---

⁶ Цитируется стихотворение Клюева «Песнь похода».

На кудрях венцы из звёзд вечерних⁷.

Явится новый «чудный храм», в котором свечи – зори, предалтарный фимиам – туманы дремлющих поречий... Роса напоит возжаждавшие травы, дымные дубравы оденутся в заревые пояса. «Продлится миг, как долгий век, – взойдут неведомые светы». И люди сойдутся «служить Заутреню любви, вкусить кровей живого хлеба»⁸.

Венец же всего, венец славы, венец освобождения земли – *всеобщее прощение*.

Был общий грех. Голгофа была всечеловеческая. Будет и всемирная радость.

Гробовой избегнув клетки,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым...
Мир вам странники-собратья,
И в блаженстве равный пай,
Муки нашего распятья
Вам открыли светлый рай.
И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут, —
Аллилуйя, аллилуйя —

---

⁷ Четыре последние цитируемые строки изъяты автором из стихотворения «Утренняя».

⁸ Из стихотворения «О, поспешите, братья, к нам...».

Камни гор возопиют...⁹

Пророческие «песни» Николая Клюева – навсегда изгоняют из человеческого сердца страх, слабость, уныние: кто видит перед собой новый нетленный храм, тому некого бояться, тот навсегда делается воином Христовым. Вот почему «песни» Клюева – это гимны братьев-воинов.

Их откинута забрала.
На кольчугах крест горит,
И ни ад, ни смерти жало
Духоборцев не страшит¹⁰.

Пусть «за непреклонные врата» проникают лишь те, «на ком голгофского креста печать высокая сияет»¹¹. Мы не боимся Голгофы. Мы с радостью берём венец терновый, с радостью, как мученики Колизея, идём на арену жизни – идём завоевывать свободу, искупление, бессмертие – *святой*, но опозоренной *земле*.

Печатается по: Клюев Н. Братские песни: (Кн. вторая). М.: журн. «Новая земля», 1912. С. III–XIV; Б-ка «Новой зем-

---

⁹ Концовку стихотворения «Песнь похода» Клюев значительно переделал: изменил 1-ю из цитируемых строк и пунктуацию, убрал 5–8-ю.

¹⁰ 2-ю из цитируемых строк стихотворения «Братская песня» Клюев заменил на невразумительную: «Адамант – стожарный щит».

¹¹ Из стихотворения «В Моём раю обитель есть...».

ли». № 11. М., 1912. 15 с.

Примечания: С. В. Чертков.